

ЯНЬ ЦЗИН

ТАЙНА ПУРПУРНОГО ТУМАНА

ЗАРАЖЕНИЕ

Янь Цзин
**Тайна пурпурного
тумана. Заражение**
Серия «Тайна пурпурного
тумана», книга 3

<https://litres.ru/72001408>

Тайна пурпурного тумана. Заражение:
ISBN 978-5-17-174974-3

Аннотация

<r>Молодой психотерапевт Чэн Ю использует непривычные методы лечения, помогая подопечным – ученикам школы Наньшань. Кто-то из них приходит за помощью сам, а кто-то не замечает надвигающегося безумия. Чэн Ю помогает всем с помощью доброты, надежды и капельки хитрости.</p><p>Но что будет делать Чэн Ю, когда столкнется с безумием, заразным, словно вирус? Что, если грань между реальностью и фантазией исчезнет, а воспоминания смешаются со страхами?</p><p>Улыбчивый психотерапевт хранит в душе много тайн, которые только и ждут момента, чтобы вырваться наружу. Готов ли Чэн Ю столкнуться со своей темной стороной?</p>

Содержание

Песня рыбаков	5
Предисловие	5
1	7
2	10
3	13
4	18
5	27
6	29
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Янь Цзин

Тайна пурпурного тумана. Заражение

3####

Mystery in Young Minds 3: Infection

Text © Yan Jing

Cover and illustrations © Bian Zao

First published in 2018 in China by China Children's Press &
Publication Group Co., Ltd.

All Rights Reserved

© Матюнина А. И., перевод на русский язык, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Песня рыбаков

Предисловие Зима однажды отступит

Когда я писала эту книгу, стояла зима и надо мной постоянно висело тяжелое, затянутое смогом и мглой небо.

Я тосковала по безоблачно-голубому небу и по свежему

воздуху. Надевала медицинскую маску и не могла узнать собственное лицо. Для меня это и правда было не лучшее время года.

Неужели тьма будет длиться вечно?

Но время шло, времена года сменяли друг друга, и вот я уже сижу в своем кабинете, за окном – голубое небо, которого я с таким нетерпением ждала, о чем-то оживленно щебечут певчие дрозды, а воробьи прыгают между веток, выискивая, что бы поесть. В этот момент время замедляется, я чувствую в воздухе легкий аромат, словно распустились цветы магнолии, и даже в комнате разливается это благоухание.

Я снова вспоминаю ту зиму, ту мглу... Твердо ли я верила, что тьма рассеется?

Верить труднее, чем жаловаться или бросаться камнями. Но если ты останешься в этой зимней мгле, будучи уверенным, что наступит весна и зазеленеют листья, а летом яркими красками вспыхнут цветы, то ты непременно станешь намного сильнее того человека, которым был вчера.

Возможно, однажды снова наступит тьма. Но я точно знаю, что она не будет длиться вечно. И среди городских огней и шума люди неутомимо сражаются с темнотой, неся в своих сердцах неуловимый, но вместе с тем такой яркий свет.

Янь Цзин

Август 2016 – июнь 2017

Банкет в честь дня рождения

Огни в банкетном зале издали мерцали, словно подмигивая Чэн Ю. Стояла поздняя осень, и над городом с наступлением ночи стелился туман. Неоновые огни мегаполиса вспыхивали в этом мареве, словно на зернистой фотографии.

Чэн Ю встряхнул свой серый плащ, расправил на нем складки, придвинул поближе немного потрепанный чемодан и глубоко вздохнул: его учителя и сокурсники, должно быть, уже прибыли на день рождения наставника Линя. Юноша взял отпуск в школе, в которой работал, и пролетел тысячи километров, чтобы оказаться здесь в этот вечер. Но чем ближе он подъезжал к отелю, тем сильнее колотилось его сердце.

Вот он, университет К. Так было всегда: каждый раз, когда он приближался к этому зданию, его сердце начинало биться и трепыхаться, словно птица в клетке. Он отчетливо помнил уверенный изгиб губ наставника Линь Минхао и его улыбку, с помощью которой он вел людей за собой. Многочисленные ученики Фрейда, приумножая труд своего учителя, писали историю развития психоанализа, вот и Линь Минхао был таким же наставником, последователей которого можно встретить во всех уголках мира, и не было бы преувеличением сказать, что его идеи оказали влияние на большую часть авторитетных психотерапевтов Поднебесной.

Чэн Ю зашел в лифт, оформленный в золотистых тонах, и, когда створки вот-вот должны были закрыться, туда стремительно шагнула высокая фигура. Вошедший был ростом около метра восьмидесяти, и перед тем, как оказаться в лифте, он по привычке слегка нагнул голову. Возраст мужчины выдавали слегка потускневшие светлые волосы, но, несмотря на это, вся его фигура, словно порыв северного ветра, была наполнена энергией и силой воли.

Чэн Ю вежливо улыбнулся ему. Мужчина взглянул на юношу, тоже растянул губы в улыбке, а затем сказал по-английски:

– Вы прямиком из аэропорта? Тоже прилетели на день рождения профессора Линя?

Чэн Ю замер на мгновение, и, не дождавшись ответа, мужчина продолжил:

– Вы окончили университет менее двух лет назад. Полагаю, что сейчас вы должны быть практикующим психотерапевтом. Думаю, что вы работаете в школе.

После паузы он снова обратился к Чэн Ю:

– Мой вам совет: он и ваши сокурсники будут рекомендовать вам клиентов, но лучше бы вам не принимать их предложения, потому что вы очень отличаетесь от всех этих людей.

Мужчина гордо закончил фразу, не оставив Чэн Ю ни малейшей возможности вставить хоть слово: в этот момент створки лифта открылись, и профессор Линь Минхао с

улыбкой протянул руки гостю:

– Добро пожаловать, мой друг Энсон У!

Мужчина вышел из лифта. Его движения были более размашистыми, чем у Линь Минхао. Гость широко развел руки в стороны и, громко вздохнув, обнял именинника.

– О, мой дорогой Линь, ты не представляешь, как я скучал по тебе. Как же долго мы не виделись!

Они обнялись, затем пожали друг другу руки, и Чэн Ю заметил, что блондин явно мерился силой с Линь Минхао.

Юноша стоял в лифте с чемоданом в руке. Это была его первая встреча с Энсоном Вудом.

Энсон Вуд

Банкетный зал украшали золотистые и серебристые ленты, а вокруг фуршетных столов стояли распутившиеся розы, лилии и другие цветы. В воздухе витал их аромат, смешиваясь с ароматом закусок.

На фуршетном столе гостей ждали выдержанное красное вино и горячий русский борщ, на белых тарелках аккуратно лежала нарезанная золотистыми ломтиками жареная утка, а официанты постоянно подносили нарезку из оранжево-розового лосося.

Чэн Ю замер, едва оказавшись в зале, на мгновение почувствовал себя одиноким и чужим здесь, растерянно размышляя, как бы ему сбежать. В этот момент кто-то похлопал его по плечу. Чэн Ю обернулся и увидел перед собой сияющее улыбкой лицо Линь Цзы. Сегодня на ней было коктейльное фиолетовое платье, волосы завиты в мелкие кудри, а губы накрашены розово-красной помадой.

— Братец, мы ждали тебя!

Позади нее стоял Чжан Ян в белой льняной рубашке и коричневых брюках. Держа бокал с красным вином, он отсалютовал им в сторону Чэн Ю.

— Ты так тепло одет... Беспокоишься, что тебя здесь ждет холодный прием? — сострила Линь Цзы.

Чэн Ю покачал головой. Он чувствовал себя инопланетянином, чей корабль внезапно рухнул на Землю.

Линь Цзы, довольная своей шуткой, подошла ближе, чтобы помочь Чэн Ю дотащить чемодан и передать его официанту.

Чжан Ян тоже подошел к Чэн Ю, отозвал его в сторонку и сказал:

– Знаешь, кто сегодня приехал? Энсон У! ЭНСОН ВУД!

– Не может быть, – пробормотал Чэн Ю, наблюдая за высоким Энсоном Вудом, который увлеченно рассказывал что-то толпе слушателей.

– Однокурсник учителя Линя. Очень влиятельный человек в американском научном сообществе. Они, поговаривают, прошли почти тридцать лет бок о бок, но сейчас их пути разошлись, и теории их диаметрально противоположны. Энсон У – основоположник и сторонник «темной психологии», и его подход в корне отличается от подхода учителя Линя. В прошлый раз на ежегодной конференции они чуть было не сцепились.

В манерах и словах Энсона Вуда чувствовался определенный авторитет, похожий на таящиеся под землей темные течения. Было в нем что-то мрачное и опасное, как лезвие ножа. И кажется, он этого вовсе и не пытался скрывать.

Чэн Ю, конечно, был ближе подход его наставника Линь Минхао, основанный на терпимости и сострадании. Разве не в этом заключается роль психотерапевта – побуждать людей

находить в себе созидательные силы?

Но в этот момент Чэн Ю все еще захлестывало сильное чувство одиночества. В зале собрались не только студенты наставника Линя. Он видел и знаменитых актрис и певиц, которые часто появлялись на телеэкранах, и молодых бизнесменов, которые откликнулись на приглашения, – все они были как маленькие кометы, которых притянуло в этот зал мощное магнитное поле учителя Линь Минхао.

В зале играла легкая джазовая музыка, и от нее, от аромата закусок, благоухания цветов и шума толпы у Чэн Ю слегка кружилась голова. В этот момент он вдруг услышал резкий голос, доносящийся из угла зала.

А как бы вы поступили?

– Если девяностотрехлетний старик перестает есть, то это значит, что у него полностью пропало желание жить. Вот уже третий день он ничего не ест. Я хотел бы спросить у вас, друзья мои, какие методы вы бы использовали, чтобы вернуть ему желание жить? – спросил Энсон Вуд и с самодовольным видом сделал глоток бренди.

Линь Минхао сидел на диване с чашкой зеленого чая, над которой неспешно вздымался горячий пар, и спокойно смотрел на своих учеников.

Вокруг столпились выдающиеся умы из мира психологии, но никто не осмелился давать поспешный ответ. В воздухе повисла долгая тишина.

В этот момент один худощавый юноша первым вопросительно посмотрел на Линь Минхао, как бы желая узнать его мнение. Тот слегка улыбнулся и кивнул головой. Затем из толпы вышел совсем молодой человек лет двадцати трех – двадцати четырех, но от него веяло таким спокойствием, словно все происходящее уже давно не было для него в диковинку.

– Господин Энсон Вуд, здравствуйте. Меня зовут Ань Фэн, я студент учителя Линь Минхао.

На красивом лице молодого человека читались такие уве-

ренность и спокойствие, что он невольно притягивал к себе все взгляды.

Чэн Ю вспомнил, что Чжан Ян однажды уже говорил о нем: Ань Фэн изучал психологию в аспирантуре Гарвардского университета и уже успел прославиться в исследованиях по когнитивной психологии.

– Однажды я занимался исследованиями психологии пожилых людей в Японии, где проблема старения также стоит весьма остро. В этом случае основная задача по оказанию психологической помощи возлагается на кровных родственников или спутника жизни пожилого человека. Затем необходимо включить в программу массаж или успокаивающие процедуры, чтобы побудить его выйти из депрессии, и в этом заключается семьдесят пять процентов шанса на успех. Наконец, в крайнем случае допустимо принудительно назначить курс капельниц, чтобы поддерживать физическое здоровье, – обстоятельно высказался Ань Фэн.

Энсон Вуд, услышав это, зааплодировал, его лицо расплылось в улыбке.

– Хорошо, очень хорошо, ваши методы и мысли вполне ясны. Однако я хотел бы добавить, что этот метод уже был опробован и пациент самостоятельно выдернул инфузионную трубку¹.

На лице Ань Фэна отразилось глубокое потрясение, и,

¹ Инфузионная трубка – трубка для вливания жидких препаратов в кровь организма человека или животного.

прежде чем он успел заговорить, Чжан Ян осторожно шагнул вперед, не выпуская из рук бокал вина.

– Меня зовут Чжан Ян, я ученик наставника Линь Минхао, но я бездарен и сейчас всего лишь скромный врач – веду независимую практику, – проговорил Чжан Ян с легкой улыбкой на губах. До чего же трудно ему было выдать такую самоуничижительную тираду на своем ломаном английском!

Энсон Вуд, приподняв брови, с интересом посмотрел на него.

– Если бы это был мой пациент, то я схватил бы подушку и спросил его, не хочет ли он незамедлительно встретить смерть и не нужна ли ему в этом моя помощь. Если бы он кивнул, я бы осторожно положил подушку ему на лицо, а затем медленно, с достаточной силой надавил бы на нее. Старику станет трудно дышать, он начнет сопротивляться, и в нем проснется инстинкт самосохранения, и в этот момент я должен буду немедленно остановиться. Затем я с улыбкой спрошу его: «Это была твоя смерть, хочешь еще?»

Закончив речь, Чжан Ян сделал еще один глоток красного вина из своего бокала.

Как только прозвучали эти слова, все присутствующие, в том числе и Линь Минхао, изменились в лице. Чжан Ян явно считал эмоции всех собравшихся и лишь мягко улыбнулся.

– Как неловко получилось.

Энсон Вуд громко рассмеялся и зааплодировал.

– Дорогой Линь, похоже, твой ученик лучше тебя понима-

ет ценность «дурного»! Только послушай, какие у него гнусные методы!

Линь Минхао улыбнулся и сказал:

– Он действительно один из моих самых креативных учеников, хотя я не могу согласиться с его методами лечения. Кроме того, я хотел бы познакомить тебя с еще одним моим учеником, который, на мой взгляд, не менее творческий психотерапевт. Подойди-ка к нам, Чэн Ю.

Линь Минхао взмахнул рукой и кивнул юноше, который стоял в стороне от толпы.

– Подойди и скажи старшему дядюшке-наставнику: если бы это был твой пациент, какой способ лечения ты бы использовал?

Взгляд наставника будто расчистил путь для Чэн Ю. Протискиваясь сквозь толпу к Энсону Вуду и Линь Минхао, юноша почувствовал, как его сердце забилося быстрее, и еще перед этим Линь Цзы ободряюще коснулась тыльной стороны его руки:

– Братец, я верю в тебя.

И вот Чэн Ю, провожаемый сотнями взглядов, медленно пробился сквозь толпу.

– Я видел тебя раньше, дитя мое, ты и правда особенный. – Энсон Вуд скрестил руки и посмотрел на Чэн Ю. – Не забывай о том, что я тебе сказал в лифте. Но ты можешь прямо сейчас поделиться своим способом.

– Я хотел бы рассказать о реальном случае, который про-

изошел со мной однажды, и он очень похож на этот. Это было во время первых летних каникул, когда я начинал работать в средней школе Наньшань.

Чэн Ю глубоко вздохнул. Он не слишком привык говорить на публике, да и английский у него был не очень-то уж свободный, но это было неважно. Воспоминания о том случае постепенно всплывали в его голове.

Рассказ Чэн Ю

В один жаркий летний день я отправился в дом престарелых где-то в Наньшане по просьбе одноклассника, который помогал там как волонтер. Девяностолетний старик несколько дней ничего не ел, отказывался от любой пищи; он выбрасывал все, что приносила сиделка, и наконец лег на кровать, чтобы умереть, пустым взглядом смотрел в потолок.

Во всем городе это было одно из самых благоприятных мест для пожилых людей: хорошие врачи, специально оборудованные для досуга места, сады, фонтаны, спортивный зал, шахматно-картежный клуб.

Старик был чудаковатым, и никто не хотел находиться с ним рядом, кроме как для того, чтобы оказать необходимый элементарный уход. Он был похож на ежа, к которому никто не мог прикоснуться, потому что тот был готов атаковать своими иглами любого, кто посмеет оказаться поблизости. А теперь у него пропало желание жить.

Когда я стоял в дверях его комнаты, то мне в нос ударил запах старости, запах, в котором смешались огорчение от неудавшейся жизни и несостоявшиеся внутренние устремления. Я стоял за дверью и ждал, опустив руки и не говоря ни слова. Кондиционер в комнате гудел, время тянулось очень медленно, а старик все лежал в постели и глухо напевал ка-

кую-то мелодию.

Я долго стоял, не произнося ни слова. Но молчание между нами не могло длиться вечно, кто-то должен был его нарушить. Старик наконец заговорил первым, он даже не смотрел на меня, просто выдал из себя одно слово:

– Входите.

Только получив разрешение пациента, я смог войти на его территорию. Это было его королевство, и он был здесь правителем. Я стоял у кровати старика и молча рассматривал его. Время изрезало его глубокими старческими морщинами, которые покрывали почти половину лица, а в глазах стояли слезы, которые, казалось, готовы были литься вечно. Я достал салфетку и осторожно промокнул их в уголках его глаз.

Он съехал на кровати в плотный комок, стараясь занимать как можно меньше места, и едва шевелился.

Мне было немного страшно, но я знал, что работа психотерапевта заключается в том, чтобы использовать все имеющиеся у него под рукой ресурсы.

В комнате, кроме гула кондиционера, звучала только мелодия, которую старик неопределенно напевал себе под нос. Мотив было трудно разобрать, но прерывистая мелодия походила на колыбельную, которая должна была убаюкать, погрузить в сон и послеобеденную дрему. Какую же песню он напевал?

Я перебрал в уме все, что понял об этой песне, и интуи-

ция подсказала мне, что это важное послание. Тогда я вспомнил, что песня называется «Песня рыбаков». В то время у меня был старомодный мобильный телефон без доступа в Интернет. Ненадолго попрощавшись со стариком, я побежал к медсестре, попросил у нее современный мобильный и скачал песню.

Пока я быстро бежал обратно, у меня не было времени думать ни о чем другом, кроме мелодии и слов, которые звучали снова и снова. Они были как загадка в моем сознании, и я подумал, что если смогу докопаться до ее сути, то, возможно, найду ответ, который вернет старика к жизни.

Я бежал под зелеными деревьями, по бесконечным коридорам здания, где за каждой дверью сидели один или несколько стариков и их нерассказанные истории.

Зазвучала музыка. В комнате моего старика чистый женский голос разносился эхом, и мне начало казаться, что я ощущаю шелест накатывающих морских волн.

Облака плывут над морем,
Рыба прячется в воде,
Сети сохнут в лучах утра,
Бриз морской несет к мечте...

Звуки песни наполнили комнату, заглушая все тревоги, и жизнь постепенно снова засияла в глазах старика. Я смотрел на блеск в его глазах и словно видел свет. Свет, который как будто пришел из ниоткуда, преодолел время и пространство,

пробился сквозь хаос и тьму и осветил уголок его сердца.

— Это моя любимая песня, — сказал он и начал свой рассказ: — Много лет назад с этой песни началась моя работа в море. В то время все, что у меня было, — это порванная сеть, а еще — пылающее сердце. Я помню море, сверкающие блики на поверхности воды. Оно шумело под моей маленькой лодкой, то напевало нежную песню, то грохотало, а иногда поднимало такие волны, словно желало поглотить меня. Но мы были друзьями, и, хоть у меня не было ничего, я думал, что у меня есть все.

Старик говорил неторопливо, и его взгляд становился все темнее и глубже, словно он погружался в те давние годы.

Мне казалось, что медленно, но верно он избавлялся от своей брэнной физической оболочки, в какой-то момент покинул свое ложе и превратился в подростка. Его загорелое лицо светилось юностью и свежестью, он разговаривал с морем, жил им.

— Да, я тоже люблю море. Оно хранит бесконечные тайны. Мне нравится морской бриз, неизведанные глубины, синева моря и его неистовая ярость, — мысленно сказал я подростку.

Я последовал за словами старика, покинул комнату и отправился в путешествие. Пересек изменившиеся до неузнаваемости улицы, а затем без раздумий побежал к морю.

Прилив поднимается,
Волны вздымаются,

Лодки кружатся в волнах,
Закидывай сети,
Тяни за канат,
Жди-жди,
Когда рыба мелькнет в садках...²

Песня все лилась, наполняя комнату и унося нас вдаль.

Слушая старика, я наблюдал, как подросток движется по морю навстречу времени и жизни, которые накатывали, словно волны. Он был свидетелем бурных времен истории, проливал кровь, видел смерти, прощался с одним членом семьи за другим и в конце концов остался один, вернулся на берег моря, смотрел на бурные волны, и переполнявшая его жизненная сила медленно уходила вместе с ними, и тогда он понял, что у него больше нет мужества идти в море.

«Песня рыбаков» звучала ясным эхом, и старик беззвучно плакал, рассказывая о своем прошлом.

Не произнося ни слова, я изо всех сил старался не поддаться желанию утешить его и молча стоял за плечом подростка, который сидел на берегу и смотрел на воду.

– Море такое огромное. Как вы думаете, оно может вместить все?

Молодой человек улыбнулся, показав белые зубы.

– Да, каждый из нас сталкивается с одним и тем же морем прошлого и с разбитыми сердцами, волнами воспоминаний

² Китайская народная рыбацкая песня, перевод А. Матюниной.

о тех, с кем нас сводила жизнь. Каждая водоросль, каждая ракушка, каждая песчинка – все это в нашей памяти.

Мое физическое тело мирно сидело в комнате и хранило молчание, но моя душа разговаривала с подростком.

– Как мне вас называть?

– Зовите меня Чэн Ю. А вы?

– Меня зовут Юй Шэн³.

Море с легким шелестом накатывало волнами, и мы с юным рыбаком больше не произносили ни слова.

Мы смотрели друг на друга сквозь время и пространство и улыбались, любуясь морем вместе. Нам больше не нужны были слова. Ничего не говоря, мы безмятежно, спокойно, овеваемые песней, с умиротворением смотрели на море. На то море, которое сможет увидеть каждый и которое будет у каждого.

– Я хочу всласть побегать и поплавать! – воскликнул подросток, стянул больничный халат и яростно швырнул его высоко в небо, а затем он вбежал в воду. Вода сомкнулась вокруг его голеней, потом дошла до пояса и наконец накрыла с головой. Он исчез.

Я немного нервничал, но сказал себе, что он вернется. Море было спокойным, ни ряби. Мое сердце сжималось от переживаний, пока наконец я не увидел над гладью воды макушку вынырнувшего подростка. Он выплюнул струю морской воды и радостно сказал мне:

³ Юй Шэн (кит. ##) – рожденный удить рыбу.

– До чего же здорово! Я жил так раньше! Я плавал в море!

Он был похож на маленького, вольготно плавающего дельфинчика. Морской ветер мягко трепал мои волосы. Наконец он вернулся в свою молодость. Каждый человек должен найти дорогу к такому морю – это круговорот жизни, и оно всегда будет в нашей памяти.

Песня продолжала плыть в небесах, а я смотрел, как юноша легко и свободно плавает, не замечая, сколько времени прошло.

Спустя долгое время я почувствовал, как меня коснулись чьи-то руки. Я очнулся и обнаружил, что передо мной стоит старик. Но в тот момент я смотрел на него по-другому: несмотря на старческие пятна, было видно, что внутри него все еще прячется подросток.

– Хорошая песня, не так ли? – мягко сказал я.

– Да, это мое воспоминание. Я был так одинок, все ушли, и я остался совсем один. – Старик упрямо смахнул слезы и продолжил: – Но эта песня напоминает мне о прошедших днях моей жизни. Тогда у меня была только порванная сеть, но теперь у меня есть пенсия и люди, которые заботятся обо мне. Я видел добро и зло, я не хочу сдаваться судьбе, пожалуйста, принесите мне миску каши, я хочу горячей каши, – прошептал старик.

Я ничего не сделал, правда. Я просто услышал мелодию, которую он напевал, а потом провел с ним тихие полдня, держа его за руку. Я встретил его подростком в его воспомина-

ниях, и тогда мы вместе смотрели на море, наше общее море, к которому устремлялись все люди, где искрились волны, дул легкий морской бриз, и на сердце у меня было спокойно. Вторую половину дня я тоже провел рядом со стариком и наблюдал, как он медленно доедает кашу, как солнечный свет постепенно уступает место сумеркам, а сухой и горячий зной отступает, сменяясь прохладой. В небе загорелась полоса пурпурного заката, протянувшаяся до горного хребта. Мне пора было уходить.

– Спасибо, что остались со мной. До свидания, – сказал мне старик, увидев, что я собираюсь идти.

Он не сказал, что хочет, чтобы я снова пришел к нему и составил компанию, а я ничего не обещал. Жизнь на краткий миг свела нас друг с другом. Мы были как падающие звезды, которые ярко вспыхнули в небе. Это было лишь мгновение... и одновременно целая вечность.

– Юй Шэн, до свидания, – тихо сказал я. На лице старика появилось удивление, и я вспомнил, что в это время, он, лежа в постели, хранил молчание и не называл мне своего имени.

Но юный рыбак, живущий в его сердце, все еще стоял у самого моря и улыбался мне.

Он все еще плавает по волнам. Неужели я и молодой рыбак каким-то неожиданным образом пересеклись сознаниями во времени и пространстве?

В сердце каждого старика, возможно, живет юноша, кото-

рый никогда не состарится, никогда не умрет, всегда будет со всех ног бежать к морю.

Именно такой урок преподавал мне рыбак. Я до сих пор чувствую легкий бриз, который дул мне в лицо в тот момент моей жизни.

Возможности «дурного»

Чэн Ю закончил свою историю. Он рассказывал ее на китайском языке, а Линь Цзы стояла неподалеку и переводила за ним на английский.

Надолго в толпе воцарилась тишина, шум прекратился, даже аромат еды как будто приглушился, и казалось, что по залу пронесся морской ветерок.

Наставник Линь Минхао зааплодировал. Энсон Вуд, выслушав перевод Линь Цзы, благодарно взмахнул рукой и за рукоплескал Чэн Ю.

Аплодисменты – одни чистые и звонкие, другие задумчивые и хмурые – звучали в одном ритме. Окружавшая их толпа тоже разразилась аплодисментами.

Чэн Ю вернулся в банкетный зал и в тот же миг почувствовал, что потерял самообладание: воспоминания о том случае слишком увлекли его, и в этот момент в его груди разыгралась буря, совсем как в море.

От ощущения, что он находится в центре внимания, юноше стало немного не по себе, и он с застенчивой улыбкой отступил назад в толпу, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Подойдите сюда, молодой человек, и сядьте рядом со мной. Вы хороший мальчик, я это вижу. Ваша «добродота» чи-

стая и настоящая, но в ней как будто чего-то не хватает. Ваш разум готов принять многие методы и возможности, включая неизведанные, включая возможности «дурного». Позвольте мне рассказать вам о моем методе лечения.

Энсон Вуд улыбнулся юноше, и в этой улыбке было что-то заговорщицкое.

Метод Энсона Вуда

Лечение проводилось в частном доме. По некоторым причинам, как вы понимаете, я не могу назвать штат. Но этот штат настолько известен своими кленами и секвойями, что я любовался ими все то время, пока мы ехали в машине.

Я подъехал к особняку, дворецкий провел меня в громадное старинное здание, похожее на европейский замок. Хозяин построил его посреди идиллической сельской местности.

Я увидел беспомощного старика, лежащего на кровати под бархатным покрывалом. Его окружали дети, а за дверью ждали другие ветви его семейного древа, племянники и племянницы, которые перешептывались, не решаясь говорить в полный голос. Но их чувства были мне понятны – они ждали, когда старик умрет, и тогда они смогут разделить оставленное им наследство. Каждый с нетерпением ждал своей доли.

Старик уже два дня отказывался от еды. После врачебного осмотра выяснилось, что его тело еще не утратило жизненные функции и его поведение можно было объяснить только намерением попрощаться с жизнью. Его дочь, Келли, была моей клиенткой и поэтому позвала меня сюда. Ее поступок родственники не одобрили, но они могли только мысленно выражать свое недовольство.

Я посмотрел на старика, а потом огляделся вокруг. В ком-

нате висела фотография, на которой он в молодости пилотировал аэроплан, и я готов был поспорить, что нашлось бы не так уж много людей, которые, пережив Вторую мировую войну, стали миллиардерами. Человек на фотографии был очень похож на младшего сына, который сейчас сидел перед ним. Младшему сыну, Оливеру, было за сорок, но он по-прежнему оставался в отличной форме и светился обаянием.

Окруженный толпой своих сыновей и дочерей, старик со странным выражением лица смотрел на них, особенно на младшего сына, и в этом взгляде читалось чувство горечи и обиды. Продолжая оглядывать комнату, я увидел охотничьи трофеи: олени рога, огромную медвежью шкуру, от зверя, которого он поймал на Аляске, – она расположилась на полу, занимая самое видное место в комнате.

– Я хочу попробовать поговорить с ним наедине, так что, если вы не возражаете, пожалуйста, выйдите за дверь, – объявил я.

Все немного растерялись, но, помня о моей репутации, они не нашли причин возразить, чтобы их не посчитали строптивыми и непочтительными. Старшая дочь старика, Келли, вышла первой, за ней последовали три сына, а младший, Оливер, закрыл дверь последним.

Я заглянул старику в глаза: его взгляд потускнел, когда ушли его дети, как будто погас яркий свет.

В тот момент я увидел у него в глазах абсолютно все его секреты.

Я тихонько прошептал ему на ухо одну фразу, после чего на его лице появилось выражение ужаса. А когда я произнес еще несколько слов, его лицо наполнилось гневом. Я полагал, что он был человеком сильной воли и не должен так легко поддаваться моему влиянию.

Я извинился, но что поделаешь? Через полчаса я толкнул тяжелую резную дверь, позвал слуг и велел им приготовить старику густой крем-суп, который он хотел. Дрожа всем телом, он сел на кровати, словно в предвкушении мести, и с каждым глотком супа как будто пил кровь своего заклятого врага.

Уверяю вас, вам никогда не хватило бы духа пробыть с таким стариком более четверти часа. Наевшись супа, он встал с кровати, взял ружье, нервно сжал в руках и сел на кровать, не решаясь выпустить из рук.

Его дети бросали на меня полные скепсиса взгляды, а я лишь уверял их, что силы воли старика хватит, чтобы прожить еще два-три года.

Разумеется, я забыл упомянуть, что не несу ответственность за его отношения с ними в течение этих двух-трех лет.

Они поинтересовались, что я ему сказал, но я улыбнулся и ничего не ответил. Мои дорогие друзья, я знаю, что вы хотите знать ответ, и я не буду вас томить.

Мои слова старику, который объявил голодовку, были такими: «Вы не должны чувствовать вину. Вы просто завидуете своим детям, которым еще жить и жить. Вы ведь наблюдаете

даете за своим младшим сыном, не так ли? Он молод, похож на вас, и он сильный, крепкий, полный сил, не так ли? Вы завидуете им, ведь они все еще здоровы и полны энергии, в то время как вам, человеку, который дал им все, скоро придется покинуть арену жизни. Зависть – это вполне нормальное чувство. Почему старик должен хотеть медленно погаснуть, как свеча? Конечно, вы можете погаснуть. Но взгляните на все те ружья, на все те трофеи, что у вас есть, вспомните хорошие времена, которые у вас были, посмотрите на прекрасные коллекции, которые ваши дети собираются разделить после того, как вас не станет. Зависть и понимание того, что завидуют вам, – вот два стимула для жизни, и вам не нужно чувствовать за это вину. Вы можете не есть, но вы все равно лучше всех знаете, каким крутым и свирепым воином вы были в молодости. А теперь вставайте и позвольте этому молодому человеку на фотографии напомнить вам, что нужно делать. Живите как мужчина, побеждая ревность, побеждая старость, которая хватается за горло. И живите, живите дальше!

До свидания

После того как Энсон Вуд закончил свой рассказ, слушатели вежливо замолчали: всем было нечего сказать.

Наконец Линь Минхао медленно начал:

– Энсон, этот случай действительно отражает твой стиль. Ты копаешься во тьме, что прячется в сердце человека, и используешь ее как источник исцеления. Но не думаешь ли ты, что в итоге это только отрывает его от общества?

Энсон Вуд равнодушно пожал плечами:

– Ну и что? Главное для клиента – результат, не так ли? Результат – это то, что он снова ест, и я уверен, что он все еще сидит в своей комнате и бдительно охраняет свою коллекцию. Но это все, что помогает ему жить.

– Этот случай – ярчайший пример твоей темной психотерапии, но я никогда не стану ее сторонником. – Линь Минхао по-прежнему мягко улыбался.

– Но неужели ты думаешь, что найдется на свете человек с сердцем, пронизанным солнечным светом, полным добрых помыслов, в котором нет ни намека на тьму? Именно поиск абсолютного света вызывает больше психологических расстройств, и, когда я принимаю сущность тьмы и намеренно раскапываю ее, это, возможно, единственный способ спасения. Ты постарел, Линь Минхао, я вижу, что ты становишься-

ся все более упрямым. Я вижу, что скорее твои ученики видят больше возможностей, – рассмеялся Энсон Вуд, похлопав своего старого однокурсника по плечу, но его слова были острыми, как заточенные кинжалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.